

НИ МЕРЯ, НИ КРАЮ КОЛХОЗНОМУ УРОЖАЮ

8 кругозор 70

У КОГО ХЛЕБ РОДИТСЯ, ТОТ ВСЕГДА ВЕСЕЛИТСЯ

Наш век — век стремительных взлетов человеческой мысли и грандиозных социальных преобразований мира — наделил масштабностью и способностью философского прочтения даже такой извечно лирический жанр, как балет.

Лучший пример — постановка «Спартак» Арама Хачатуряна в Большом театре Союза ССР, удостоенная Ленинской премии.

«...Благородный характер, истинный представитель античного пролетариата», — писал Маркс о Спартаке.

Таким предстает перед нами Спартак на сцене Большого театра. Герои спектакля пришли к нам во всей страстной полноте революционного эпоса. Эпоса, сплавившего эмоциональность и осмысление исторических закономерностей.

ГЕРОИ НА

ВСЕ ВРЕМЕНА

Интервью с лауреатом Ленинской премии хореографом Юрием Григоровичем ведет комментатор Ирина Страженкова.

— Ваше кредо постановщика?

Григорович. Добиться максимально непохожего! Кстати, не следует забывать, что балетный режиссер совсем не то, что режиссер драмы и кино. Он не ставит, а сочиняет. Вспомните, раньше в афише ведь прямо так и писалось: «Балет сочинен и поставлен...»

И в этом смысле постановщик имеет дело как бы с лепкой огромной, многофигурной живой скульптурной композиции. Мы старались раскрыть, в разных аспектах разумеется, героический пафос, действие значительной личности, идеи гуманизма и свободы, причем гуманизма классового. Так в центре спектакля встали два сильных персонажа, несущих в себе противоположные заряды: Спартак и Красс.

— Сфера вашей работы простирается от полифонической до сольной хореографии. Побудил ли «Спартак» к созданию и каких-то новых, специфичных форм?

Григорович. Если вы имеете в виду монологи, то попали как раз в точку. Монологам основных героев я придаю огромное значение. Вы, вероятно, заметили, что в каждом действии герои «произносят» монолог на авансцене. Эти монологи, как и сцены, как и весь балет, естественно, соотносятся с музыкой Хачатуряна.

— Работая над исторической темой, насколько вы считали себя обязанным соблюдать «меру точности»? В какой пропорции виделся вам синтез исторической достоверности и художественного домысла?

Григорович. Характер эпохи, безусловно, оказывает влияние на каждого художника. Например, сцена боя гладиаторов в доме у Красса — один из штрихов достоверно-

сти. Это исторический факт: был действительно беспрецедентный случай, когда не на арене цирка, а в роскошном зале на глазах патрициев лилась кровь рабов-гладиаторов рядом с плясками мимов и танцовщиц... Но не это, как мне кажется, отмечает наш спектакль. Вот, скажем, патрицианский бал — он «придуман» от начала до конца! В Древнем Риме не могли «так» танцевать, как и вообще не могли танцевать «это». Но образ Золотого Рима, еще кичащегося своим могуществом, мне казалось убедительнее представить не блистательными колесницами и колоннадами, а характером танца, внутренним обликом сцены.

Мне кажется, наш «Спартак» отмечен как раз отличием от «механической» достоверности. Мы выбрали фон всему спектаклю — груботесаный серый камень и две арки,

чуть намечающие архитектурный символ вечного города. И не стали делать ни цирков, ни форумов... Вот это-то и есть, по-моему, правда художественного вымысла. Более того, думается мне, что условное искусство балета противоречит «реальности» сценических атрибутов в той же степени, в какой сам дух спартаковской эпопеи близок и понятен нам, живущим два тысячелетия спустя. Поэтому мы стремились к гармонии пафоса, искренности и художественного мастерства, которая способна увлечь зрителя.

Снимки на этой странице знакомят с постановщиком Юрием Григоровичем, оформлением спектакля, созданным Симоном Вирсаладзе, и одним из исполнителей роли Спартака — Михаилом Лавровским. На звуковой странице — музыка Арама Хачатуряна.

РАБОЧИЙ КОСМОС

*Слушайте
песню-
репортаж
«Без меня
не улетай».*

В стихах, появившихся задолго до полета «Союза-9», есть такая строка: «Спешим не в космос — на работу».

Сегодня стартовая площадка космодрома начинает все более походить на заводскую проходную. В космос летают работать. Ловят звезды в объектив секстанта. Управляются с кибернетическим устройством. Выполняют задания бюро погоды. Делают производственную гимнастику, измеряют давление и пульс, играют, если выпала свободная минута, в шахматы. Говорят по радио с родными. Забыв завести будильник, просыпают начало смены... Словом, ведут себя в космосе совсем по-земному. И окружены совсем земным комфортом: все-таки почти девять кубометров жилого объема — можно спокойно работать.

Песня-репортаж Бориса Вахнюка на первой звуковой странице журнала рассказывает только об одном событии, которое произошло вечером 8 июня 1970 года, в самом начале второй рабочей недели в космосе Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова. «Без меня не улетай» — так мы назвали эту песню-репортаж.

ХЛЕБОРОБЫ

На фото:
колхозная
страда.

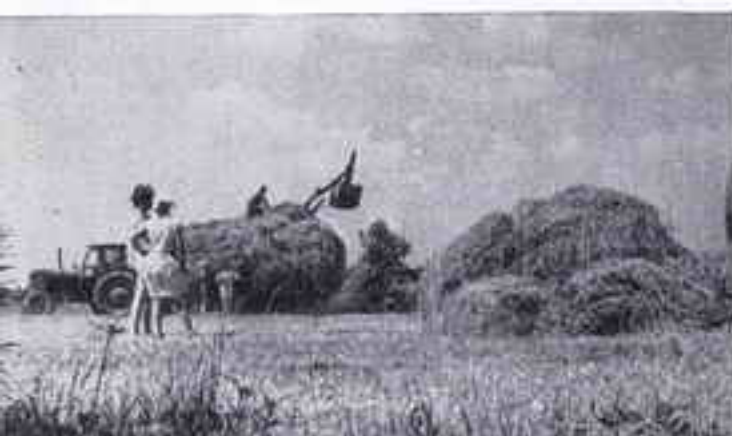

РУССКОЕ

Совхоз называется «Куликово поле». Я приехал сюда в солнцепек. Куликовцы ждали дождей.

С Красного холма хорошо видно богатырское поле, широкое, ровное, прикрытое рожью, пшеницей, ячменем. Было тревожно, хотя куликовцы быстрее всех в Куркинском районе, Тульской области, справились с посевной: главный агроном — погода — заартачился.

Я спустился с холма, пошел навстречу урчащему облаку. Облако-трактор обрабатывало свеклу. Мотор заглох, пыль осела, из кабины вылез тракторист, поглядел из-под руки. С другого конца поля так же из-под руки в мою сторону смотрела женщина. Потом она нагнулась над рядками свекольной ботвы, а мужчина погнал свое облако дальше. Между ними

прямо посреди поля остались двое ребятшек, которые никак не могли решить, к кому бежать — к отцу или к матери...

Дон здесь сейчас не тот, что 590 лет назад. Обмелел. Много воды унес. И все-таки это тот самый Дон. И Непрядва та самая. На поле давно уже не водится болотный кулик. А поле все то же — Куликово! И люди здесь работающие, терпеливые, гордые. Над домами раскинули ветки телеантенны. И над всей округой на Красном холме — Куликов столб с чугунными шлемами и мечами, с золоченым крестом над поверженным полумесяцем.

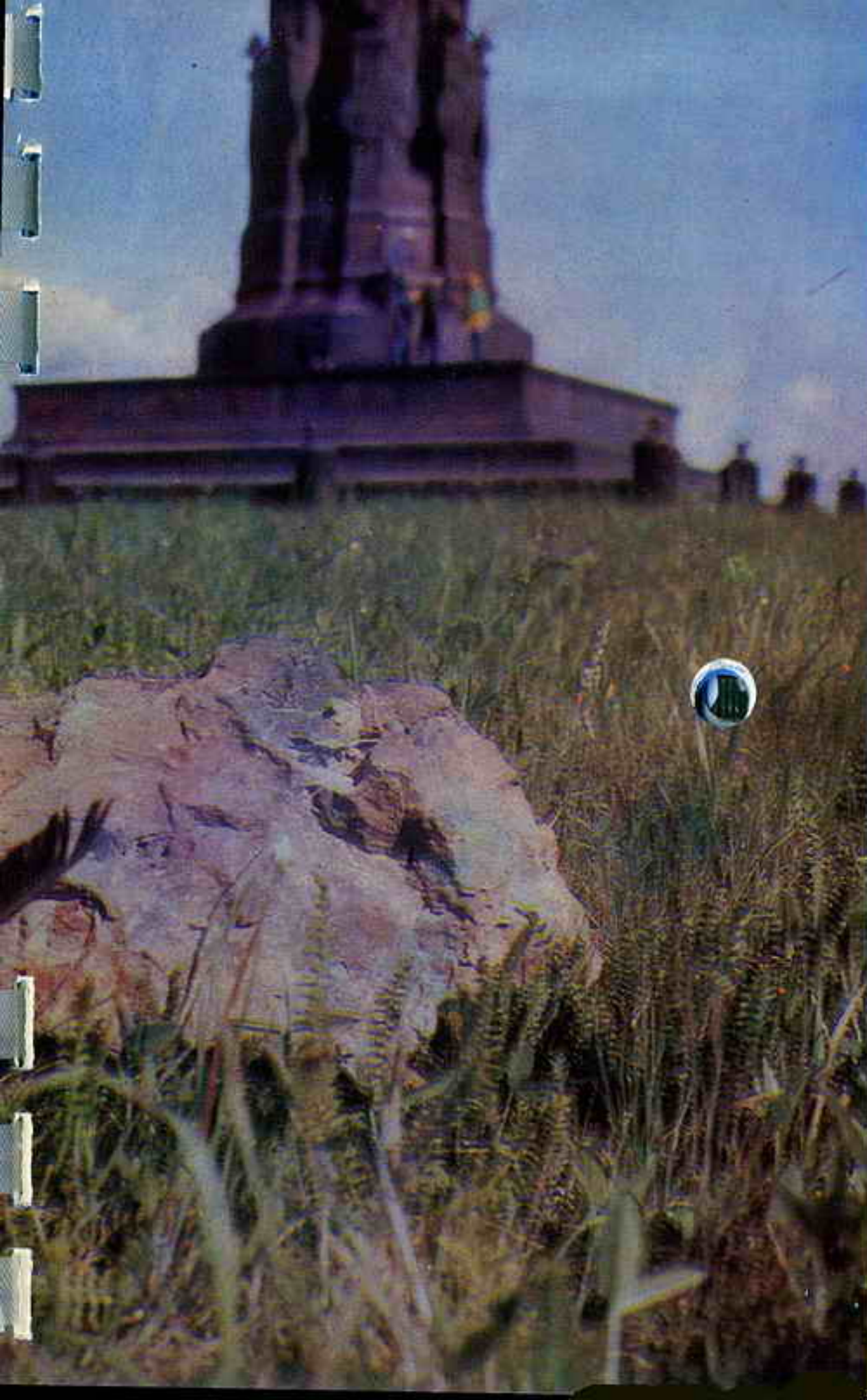
...Когда я в последний раз оглянулся на памятник, уже шел дождь...

И под шум дождя думал я о том, что, если надо, пахари становятся воинами, а чуть отгремит военная гроза, поле боя снова становится полем битв за урожай.

Борис БАРЫШНИКОВ

Фото Л. Лазарева

ПОЛЕ

ПОЛЕ
БИТВЫ —
ПОЛЕ
ЖАТВЫ

Первый в жизни музей, который довелось мне увидеть, был на Куликовом поле. Мы приехали сюда на экскурсию из пионерского лагеря. Учитель показал на груду камней с искривленным скелетом купола наверху: «Здесь, дети, был музей...» Мы бродили по руинам, поднимая большие кирпичи с непонятной печаткой: «Барановичи». Развалины были не в диковину. Только что отгремела война.

Потом мы фотографировались у чугунного столба. Ветер свистел над холмом, волнами утюжил светлоголовые ромашки и медуницу. Дышалось привольно. И видно было на все четыре стороны — будто впрямь за тридевять земель.

Учитель рассказывал о битве: «Шеломы же на головах их как утренняя заря, доспехи же аки вода сильно колеблюща, еловицы же шеломов их аки пламя огненное пышутся...» Мы видели шатер Мамая. И темное от стрел небо. Слышали звук трубы в предутренней мгле.

«И русские победили, — рассказывал учитель. — Они погнали чужеземцев с нашей земли так же, как Советская Армия прогнала гитлеровские полчища».

Мы невольно оглянулись на взорванное здание музея. В ту минуту мы любили далеких русских латников так же горячо и преданно, как наших бойцов.

Шесть веков назад любовь к Родине продиктовала летописцу вдохновенные слова: «Нам земля подобна есть Русская милому младенцу у матери своей...»

Так это и осталось в памяти: по свист ветра-степняка, полевой запах, неоглядные дали. И первое, не осознанное еще чувство причастности к этой земле.

В тот первый день свидания с русской историей впервые открылось нам, что мы не просто пионеры из лесного лагеря «Папоротка», а праправнуки древних воинов-богатырей. И еще открылось нам, что мы русские, что нет дороже земли, где родился и живешь.

Алевтина ЛЕВИНА

Памятник русской славы.
Автор — архитектор А. Щусев.

МОСКВА, «КРУГОЗОР».
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЧИТАТЕЛЯМИ.

Широков Е. Н. ...Здоровье было плохое, правой руки нет, оторвало миной, жить негде, ночевал в конюшне. Хамид предложил мне перейти жить к нему. С 1944 года по 47-й я жил у Хамида. Спасибо ему и его семье за то, что в тяжелые годы взял он и принял меня как родного сына и брата.

Салимов Рашит. Отца своего Саира Салимова я знаю только по рассказам. Он ушел на фронт в первые дни и погиб. Остались четверо малышей с матерью. В 44-м году Хамид взял в свою семью меня и сестру **Айдинат**. Когда сестра окончила десять классов, то вышла замуж за учителя в кишлаке Уй-

шуи. Она работает библиотекарем, у нее четверо детей. После армии я вернулся домой, к отцу, женился. Работаю плотником, у меня пятеро малышей.

Хамитов Наимхон. В 41-м году отец уехал на фронт, в 43-м, раненного в плечо и грудь, его привезли домой, и он умер в госпитале. Мать тяжело заболела. Заботу о нас взял Хамид Саматов. Я, мать и мой младший брат **Керим** жили у него, пока мать не поправилась. У меня сейчас двое детей. Отцовскую заботу Хамида я буду помнить всю жизнь и расскажу своим детям, чтобы не забыли.

Саматов Нуримухаммат. Когда в войну умер отец и пропал старший брат Ниязи, кто-то привел меня на базар. Там меня и приветил мой новый отец Хамид. В 1962 году меня разыскал брат, и мы уехали в Кашкадарьинскую область, в колхоз. Вместе с братом мы разыскали свою мать.

ДЕТИ

С. ЗИНИН,
специальный
корреспондент
«Кругозора»

В октябре 1943 года при форсировании Днепра был ранен старший сержант Саматов Хамид, узбек, неженатый, по гражданской специальности лесотехник. Пуля повредила левое плечо, Саматов потерял сознание, его подобрала и отправили в госпиталь в Краматорск.

В госпитале Саматова демобилизовали. При демобилизации выдали новые сапоги, новую же шинель и свидетельство об инвалидности.

26 февраля 1944 года в четыре утра поезд, на котором ехал Хамид, прибыл на станцию, а через час одорукий солдат стал отцом.

В снегу за вокзалом стоял и плакал пятилетний узбеценок, потерявший родных. Хамид покричал, потоптался вокруг. Никто не отозвался. Саматов завернул мальчишку в полу шинели и понес домой, к своим родителям. Старая Мангит-апа, мать Хамида, отворила ворота, увидела вернувшегося сына, вскрикнула, заплакала. Мальчишка звали Кучкарком.

Через несколько дней в просторном дворе у плотника Самата Гафурова и старой Мангит-апы появился еще один внук, а у Кучкара — брат Араслан. Был он смугл, о себе ничего не помнил да и имя Араслан, видимо, придумал сам. Но у загса свои порядки, и когда позже выправляли мальчику свидетельство о рождении, то не только фамилию дали по приемному отцу, но и обозначили национальность — Саматов Араслан, узбек.

На двоих Саматовых стало в семье больше. А в дом уже стучала беда. Заболел Кучкар. Вздохнула старая Мангит-апа, вернула внука в чапан, пошла к врачу. Полгода пришлось ей провести в больнице вместе с мальчиком, а когда вернулась домой, то узнала, что у Кучкара и Араслана почти дюжина братьев и сестра.

Однажды довелось Саматову побывать в Чиракчах, Кашкадарьинской области. На базаре приметил он мальчонку Нуримухаммата, беспризорника лет девяти. Ходил тот с огромной собакой, ночевал, как рассказывали, на кладби-

Саматов Араслан. В молодые годы многое не понимал, мне казалось все обычным, обо мне заботились, и я несколько не чувствовал, что живу не в родной семье. Уже позже узнал, что я приемный сын, что отец нашел меня зимой на вокзале.

Саматов Кучкар. Тринадцать лет я прожил в доме своего приемного отца, но однажды возле ворот остановилась арба. Когда я увидел молодую женщину, сидящую в арбе, я заплакал и кинулся к ней, хотя никто мне не сказал, что это моя родная сестра.

Турсунов Мирали. В город я попал вместе со своим отцом в войну. Отцу было тогда 77 лет. Здесь он заболел и умер. Хамид по обычаю похоронил его, а я стал сыном его и младшим братом. Жил у Хамида, пока сам не начал работать. У нас с моей женой Пулат восемь детей. Все хорошее, что сделал для меня и моих детей Хамид, я буду помнить всегда.

Бахрамов Суннат. Своих родителей не помню. Жил и воспитывался у Хамида Саматова до 13 лет, а потом меня усыновил Бахрам-ака. Когда я подрос, то узнал, что Хамид подобрал меня на улице. Было мне тогда три года.

Рамазанов Керим. В дом к Хамиду я попал уже взрослым, мне было 16 лет. Некоторое время болел, не мог работать. Когда окреп, устроился рабочим на базу. С 1961 года я живу в Пермской области. У отца провожу отпуск.

Кадыров Мурат. Когда мне было два года, умерла моя мать, я стал воспитанником Хамида Саматова. Служил в Советской Армии, сейчас работаю каменщиком-штукатуром. Этой специальностью я обязан семье: моим учителем был отец Хамида — Самат.

ХАМИДА

ще. Приехал он вместе с отцом, но тот внезапно умер, документов при покойном не нашли, и кто-то привел мальчонку на базар, чтобы был среди людей. Маленький Нуримухаммат сразу согласился ехать, но только с собакой.

Еще одним сыном стало больше в доме Саматовых. И хоть скромно жили, варили подчас отрубей, одеждой не щеголяли, но детишки есть детишки — и обстирать их надо, и присмотреть, и пуговицу пришить на рубашке. А годы уже сгибали Мангит-апу, мать Хамида. Тут и появилась в доме Сановар, молодая хозяйка: Хамид женился. В один день восемнадцатилетняя Сановар стала приемной матерью почти дюжины сыновей.

Закончилась война. Вернулись домой братья Хамида — Рабиджан и Азим. Один совсем здоровым, а другой раненым. Женились братья, пошли у них дети. Родился первенец и у Хамида, но лишь через пять лет после войны. А потом, после первого, Рахматуллы, родились у Сановар и Хамида еще

четверо: Пайдулла, Бохадыр, Амина, Абдулла.

Но стал пустеть двор у Хамида. Своего старшего брата разыскала сестра Кучкара. Мальчик с собакой из Чиракчей, Нуримухаммат, нашел своих родных и уехал в Кашкадарьинскую область. Вышла замуж Айдинат. Ушли служить Мурат и Керим.

А Хамиду уже около шестидесяти. Пора и оглядеться. Честно служил Родине. Посадил дерево. Вырастил сыновей. Достойная, прекрасная жизнь.

Ну, а почему все это сделал Хамид, безрукий инвалид, изувеченный войной? Почему принял на себя такие трудности?

Я вновь прослушал пленки с многочасовым рассказом Хамида Саматова. Пусть говорит он.

г. Каттакурган,
Самаркандская область.

Фото автора
и В. Шляхтина

Каир затемнен. Полуосвещены улицы. Ни огонька на каирских мостах.

Я помню этот город другим, всего три года назад. Мосты над могучим Нилом, дома, отделанные каменным кружевом — голубым, белым, розовым, Каирский университет, смотровая башня над пышными садами — город прекрасный и под нещадным солнцем и ночью в море огней. И, конечно, золотой базар Хан-аль-Халили: протянувшиеся на километры узкие, кривые улочки, витрины ювелирных магазинов, лавки с изделиями вос-

точных мастеров. Мерцающие в полумраке бронза и серебро, инкрустированные перламутром ларцы; искусно подсвеченные, словно излучающие свет, изделия из знаменитого египетского алебастра — любимого камня фараонов.

На улицах — дымящиеся шашлыки, запах свежего кофе, аромат восточных пряностей: это крохотные кафе, спасаясь от жары, выплеснулись прямо под звездное небо. Гремит из распахнутых дверей музыка. И вдруг неожиданно, точно споря с современным джа-

6 тебе

зэм, сначала робко, а потом все увереннее зазвучит восточная мелодия: просто мальчишка, продав свой товар — орешки и сладости, взял в руки медный поднос, только что служивший ему лотком. Несколько ударов смуглых рук, нехитрые слова, напеваемые вполголоса. Его окружают. Ему подпевают. И вот уже запрудил узкую улочку самодеятельный оркестр. Подхваченная десятком голосов, сопровождаемая ритмичными хлопками в ладоши и притопыванием, полилась народная песня...

Раннее июньское утро 67-го года. Израильские бомбардировщики сбросили первые бомбы на мирную египетскую землю. Внезапный вражеский удар, сожженные села, опустошенная за несколько часов земля, обожженные напалмом люди, поток беженцев.

Притушены огни на Хан-аль-Халили. Погрузился во мрак могучий сфинкс — лев с лицом фараона Хефрена. Темными громадами высятся над городом Великие пирамиды Гизы. Мешки с песком у подъездов административных зданий. Часовые на мостах... «Харб» — это слово повторяется часто — «война». Фронт в 120 километрах от Каира.

ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ МОЯ

В руках у людей транзисторы. Их можно увидеть у рабочего, возвращающегося домой после смены, у продавца в магазине, у мальчишки-разносчика, у шофера такси. Каждые полчаса страна слушает последние известия — вести с фронта. «Мы проиграли бой, но мы выиграем битву», — писала «Аль-Гумхурия», одна из центральных египетских газет. И везде, буквально везде — на фабриках и на заводах, в сельских кооперативах и в научных центрах — чувствуется готовность к борьбе, вера в победу.

Все для родины, все для фронта. Известные артисты дают концерты в госпиталях, выезжают на линию огня. В солдатских окопах близ Суэца звучит голос Ум Кальсум — певицы, известной далеко за пределами ОАР. Частый гость здесь популярный исполнитель арабских народных песен Фарид аль-Атраш.

Символом веры, надежды и любви стала для египтян песня Сеида Дервиша «Страна моя, страна моя». Песня эта родилась в далеком 19-м году, когда под влиянием русской революции Египет потрясли мощные революционные выступления. Этой песней начинается и кончается день. Она звучит по радио, с экранов телевизоров, ею открывается любое собрание...

Молодежный митинг в «Гезира-парке». На зеленой спортивной площадке — представители пяти районов Каира. Они пришли продемонстрировать свою готовность к обороне отечества. Гремит оркестр, ряд за рядом проходят дружины со словами песни Сеида Дервиша...

...Мои окна смотрят на школьный двор — рыжую от песка площадку. Ровно в полдень сюда выходят притихшие, не по-детски серьезные дети. Звучит команда: «Строиться!» — идут занятия «мукавама шаабия» — занятия по гражданской обороне. Барабанная дробь выбивает мелодию марша, и над тенистыми улицами несутся слова песни:

Страна моя, страна моя...
Тебе любовь и жизнь моя!

Татьяна БЕЛЯЦКАЯ

Каир — Москва

Фото М. Савина

Каирская студентка Мариан Хана.
Каир в полдень.

Пульт управления Асуанской ГЭС.
Ток Асуана пришел в деревни.

Святыни Древнего Египта.

Металлурги Хелуана. Советский инженер Анатолий Гаврилов и старший вальцовщик Абуль Хасан.

На батарее капитана Самира.

Иные книги западных писателей-фантастов мрачно пророчат: покаяния послезавтрашней земли превратятся в обитателей механизированных казарм под водительством электронного фельдфебеля, само общество станет запрограммированным, бездушным компьютером. Отохнет Личность.

Я приехала на Вильнюсский завод счетных машин. Так сказать, «на фабрику грядущей механизации».

И прежде чем я увидела машины, я встретила с Личностью.

Личность выражает себя в биографии. Человеческая биография диктуется нравственной системой самого общества.

Директор завода вычислительных машин Бронюс Бориса достойно построил свою биографию.

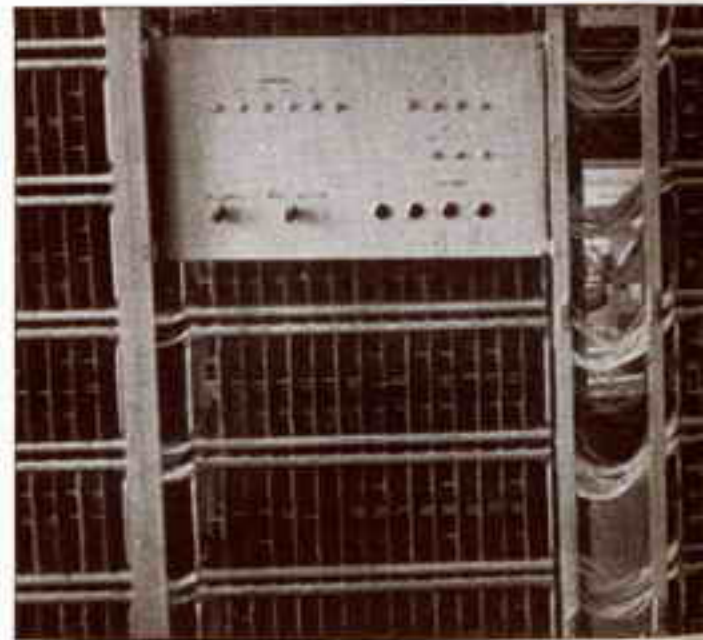
му предстояло стать тем заводом, где мы встретились. Заводом электронной техники, о которой в ту пору мало кто знал. Заводом, создавшим ныне машину «Рута», способную управлять заводами.

Электронный мозг «Рута» должен решать вопросы перспективного планирования, снабжения. Он будет четко координировать работу различных звеньев производства, давать мгновенные рапорты о ходе рабочего процесса. Словом, поможет осуществить то, что сейчас главное,— научное управление производством. Таким образом, как говорится, «завод будет работать, как машина». И этот завод тоже.

И все-таки нет. Нет, ибо, как известно, машина никогда не воз-

новые характерные черты». Перечисляя эти черты, мой собеседник остановился на особом, органическом чувстве коллективизма, преобладающем индивидуалистические начала в человеке, не индивидуальные, а индивидуалистические.

Теперь, на заводе, этот разговор получил свое развитие. Ибо и руководителей завода «машинное развитие» занимало главным образом с точки зрения развития общественного. Машина вспомогательна: она поможет полнее раскрыться творческим и нравственным качествам человека. И тут уже действуют законы не технические, а социальные: будущее «машинной гегемонии» зависит от социального характера общества, его целей.

В годы войны он был одним из активных бойцов каунасского подполья. Его близкие погибли в гестаповских застенках и в боях с врагом. О его брате Герое Советского Союза Хубертосе Бориса сложены стихи, снят кинофильм.

Бронюс был всегда там, где было трудно, куда его посылала партия. Он налаживал работу первых послевоенных МТС, и его жена, актриса Каунасского театра, оставив большую сцену, поехала с ним, чтобы культура пришла и на патриархальные хутора. В 1959 году Бронюс Бориса пришел на картофельное поле у окраины Вильнюса, на картофельное поле, которо-

высится до высокой функции человеческого коллектива. Об этом сказал мне сам Бориса, об этом говорил и молодой инженер — начальник отдела научной организации производства Саулюс Буткас.

Разговор с этими инженерами как бы продолжил состоявшуюся накануне беседу с секретарем ЦК Компартии Литвы Антанасом Барнаускасом. Тогда мы не говорили о производстве. Разговор был посвящен новой психологии общества, воспитанной за тридцать лет существования Советской власти в Литве. Вот что сказал товарищ Барнаускас: «В целом общественная психология приобрела качественно новое содержание,

Поэтому мы и коснулись вопросов, поставленных накануне. Эффективность труда и характер работы неразрывно связаны с психологией коллектива, этого большого человеческого организма. Этот организм живой — значит, он наделен моралью, эмоциями, духовными связями. Атрибутами, машине чуждыми и недоступными.

Вначале я недаром с удовлетворением сообщила, что до машины увидела на заводе Личность. Будучи сам многогранной личностью, воспитанной новой, социалистической общественной психологией, Бориса создал на заводе коллектив таких же людей. Он пе-

ренес на завод принципы своей жизни, испытанные на протяжении всей биографии.

Поэтому здесь стало во плоти возможным то, что Барнаул назвал органическим чувством коллективизма, преодолевающим индивидуалистические начала. Например, инструментальный цех, цех «индивидуумов», — ведь тут каждый делает уникальную работу, — перешел на коллективную оплату труда.

Как это произошло, что главное в новых отношениях и новой психологии — вы услышите на звуковой странице.

Сейчас я хотела бы добавить вот что. Этот рассказ я назвала «Преодоление» не потому, что в нем идет речь о преодолении толь-

ко индивидуалистических начал в нашем обществе.

Жажда преодоления — человеческая характеристика. Машина сама по себе предельна. Беспредельен человек. Человек, преодолевающий возможности машины творческим поиском. Человек, преодолевающий пути старого наследия. Человек, преодолевающий самого себя в стремлении к совершенствованию. Особенно человек нового мира. Мира, которому не грозят зловещие прогнозы западной научной фантастики.

Галина ШЕРГОВА

Фото Е. Шишко

Что, собственно говоря, я могу сообщить читателям о певице Аиде Ведищевой? Аида родилась в Казани, а детство провела в Иркутске, где окончила музыкальное училище по классу фортепиано. Во время учебы в Иркутском институте иностранных языков участвовала в художественной самодеятельности. На эстраде начала петь в 1960 году, а в 66-м на конкурсе советской песни, организованном Центральным телевидением, была удостоена первой премии. Участвовала в озвучивании кинофильмов «Бриллиантовая рука», «Красное, синее, зеленое», «Кавказская пленница», «Белый рояль». Конечно, биография певицы представляет интерес, но ведь это не главное.

На эстраде, на экране, по радио певцу дано 3—4 минуты. Он может заставить нас радоваться или грустить, может взволновать нас, и для этого нужно большое умение. Но и его одного мало.

Аида Ведищева не демонстрирует своего умения. Конечно, у нее есть своя техника, но, когда она

ПОЭТ — ОБ ИСПОЛНИТЕЛЕ

МИР В ТРИ МИНУТЫ

поет, я не думаю об этом, я просто слушаю человека, который обращается ко мне. Всегда взволнованно. Всегда искренне.

Я пишу стихи для песен. Иногда приходится сталкиваться с просьбами исполнителей такого рода: хорошо бы вот в этом месте был звук «а» или «о», а вот здесь «е». Аиду Ведищеву прежде всего интересуют содержание песни. Ее отношение к песне можно охарактеризовать словами Андрея Эшпая: «Песня — это три минуты, за которые ты успел сказать что-то важное или не сказал ничего».

Любую песню можно спеть «погрустнее» или «повеселее», но у каждой есть свое единственное, неповторимое настроение, и найти эту точку не так-то просто.

Л. ДЕРБЕНЕВ

Фото А. Лидова

Гармонь известна в России уже более ста лет. Пришла она из Европы, сразу и навсегда полюбилась. Особенно хороша была гармошка для плясовых песен и частушек. Отцами первых русских гармоник были тульские оружейники. Они не просто скопировали иноземную диковину, а сделали свой инструмент. Тоны, что раньше получались при растягивании мехов, стали звучать при их сжимании, и наоборот. «Гармонный промысел» в Тульской губернии стал чуть ли не главным. В раз-

ных слободах изготовлялись разные детали: в селе Мясове и Чулковской слободе — гармонные ящики, в деревне Никитиной наклеивали гармонные планки...

Позже появилась саратовская гармошка с двумя колокольчиками, череповецкая «черепашка», а в городе Ливны — «ливенка». Вятские гармошки приспособились сопровождать татарские, марийские и чувашские песни. А кроме того, были еще «смоленская немка» и «елецкая разладная»...

ЗОЛОТЫЕ

ПЛАНКИ

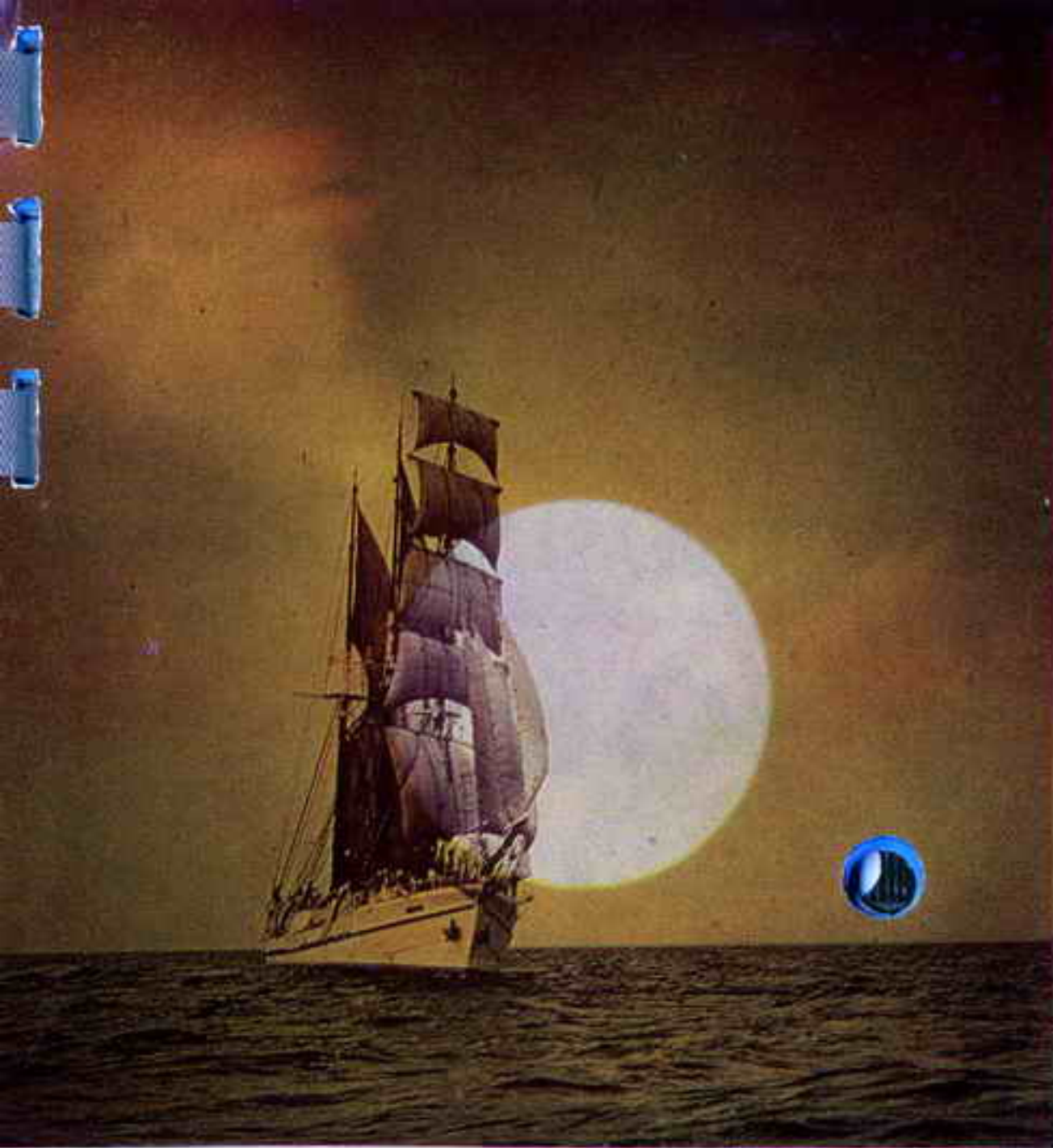
Вечная спутница песни, частушки, певучего перепляса и героического марша, гармоника имела своих выдающихся исполнителей. Известный балалаечный маэстро Василий Васильевич Андреев считался и замечательным мастером игры на звонкоголосых планках. Одна из петербургских газет в конце 80-х годов прошлого века писала о концерте прославленного музыканта: «...г. Андреев из своей крошки-гармошки извлекает чисто скрипичные звуки и блестяще справляется со всевозможными техническими трудностями, так что его игра, поражая своей оригинальностью, вместе с тем может доставлять высокое наслаждение самому строгому меломану».

Русская гармоника универсальна. «В гармонике таится все то, чем богата музыка», — говорил А. В. Луначарский. Не теряя музыкальных свойства и достоинств, гармоника может выступать в качестве сольного инструмента и ограничиться скромной ролью аккомпаниатора.

Вот строки из «Чапаева» — свидетельство писателя Д. Фурманова: «Едва умолкли последние слова последнего оратора... как грянула гармошка. Откуда он, гармонист, когда взгромоздился на эстраду — никто не заметил... И что же грянул? «Камаринского»... Да такого разудалого, что ноги затряслись от плясового зуда. Чапаев выскочил молодчиком на самую середину эстрады и пошел, и пошел... Потом весь день... только и разговору было, что про веселый митинг-концерт».

Сила воздействия гармоники на человеческие сердца лежит в доступности, в любви народа к ее звонкому голосу. Она одинаково раздольно звучит на знаменитых эстрадах и на сельских улицах.

Н. ЧЕРНИКОВ

а мне
грезится море,
покрытое
парусами

4

В Феодосию Грин приехал в мае 1924 года. Только на 44-м году жизни наконец стал жить у моря. И шесть феодосийских лет оказались необычайно плодотворными. Писатель создал знаменитые «Золотую цепь», «Бегущую по волнам», «Дорогу никуда», начал «Автобиографическую повесть».

«Мало кто знает, как я провел свою молодость, а между тем, она была нелегкой. Я был матросом, грузчиком, актером, переписывал роли для театра, работал на золотых приисках, на доменном заводе, на торфяных болотах, на рыбных промыслах...»

В августе этого года Александру Грину исполнилось бы 90 лет. Свою первую книгу рассказов он выпустил в 1908 году. На нее обратил внимание Куприн. С доброжелательностью относился к Грину Максим Горький. В холодные и голодные для страны дни Горький поселил Грина в петроградском Доме искусств, и именно там в декабре 20-го года Грин прочитал собратям по перу главы из «Алых парусов».

В белом одноэтажном доме-музее в Феодосии хранится письмо: «Если есть сейчас подлинно счастливый человек, то это я самый и есть...» И ни одной фотографии, где бы он улыбался. Очень хотелось найти в городе людей, которые бы помнили его, встречались с ним. Но он был недюдим, «этот сказочник странный», умевший приносить радость только другим. Однако работники музея помогли разыскать нам женщину, которая была его соседкой. И в ее рассказе мы увидели Грина смеющимся...

В 1930 году он переехал в Старый Крым. Как писал Паустовский, Грин любил его за «великую тишину».

Узкая, походная кровать, желтые розы на столе... В летние месяцы здесь бывает особенно много детей. О поездке договариваются еще зимой, в школе, в своем клубе, с родителями. Само восприятие творчества Грина детьми с детства уже романтично, определяет ее настрой. Поэтому так естественно увидеть на летних явках над машиной писателя процерские галстуки. Алые парусы над солнцем, на зелени.

Снова кто-то подошел к дому. Интересно завязать разговор и еще раз вспомнить слова Эдуарда Багрицкого о том, что Грин был мужеством и радости жизни.

Репортаж по гринианским местам ведет Роман Быков.

БЕГСТВО

Комон, или Гимнаст, как прозвали его восхищенные товарищи, преображался опасностью; ленивый ум его вспыхивал подобно соломенной крыше, ужаленной молнией, глаза начинали видеть ясно и поворотливо, и все тело наполнялось хитрым, особенным умом мышц, мгновенно приходящих в согласие между собой относительно того или иного движения.

Опуская некоторые биографические сведения о Гимнасте, потому что хороший тон современного рассказа требует начинать прямо с действия, я и говорю, что Гимнаст был в контрах с властями... Утром, заслышав в коридоре ласковый перезвон шпор, Комон, не медля ни секунды, перестал завтракать. Он встал, выпрямился все еще с набитым, жующим по инерции ртом; затем, решительно выплюнув непрожеванный сыр, поднял револьвер и подошел к двери.

— Откройте! — многозначительно воскликнул некто из коридора.
— Сколько вас? — спросил Комон. — Я спрашиваю потому, что, если вас очень много, вы не поместитесь все в одной комнате.

— Комон, именуемый Гимнаст. Откройте.

— Я потерял ключ.
— Ломайте, ребята, дверь.
— Я посмотрю на вас в дырочку, — сказал Гимнаст.

Он выстрелил несколько раз сквозь доски, соображая в то же время, куда бежать. Шум и грохот за дверью показали ему, что там шарахнулись. Он подбежал к окну, заглянул в шестиэтажное, узкое пространство улицы и, перегнувшись в сторону таким могучим усилием, что тело несколько мгновений держалось за подоконник только носками, поймал водосточную трубу. Через минуту он прыгнул на мостовую без шапки и с револьвером в зубах, напоминая монаха, уносящую воробья.

Осмотревшись, Гимнаст побежал с быстротой ящерицы. Вид бегущего человека не сразу разбудил инстинкт погони в уличной толпе, сновавшей вокруг. Прохожие останавливались. Некоторые из них с видом лунатиков медленно пошли за бегущим, вопросительно смотря друг на друга, а затем, вдруг сорвавшись, как будто им дали какой-нибудь бессмысленный приказ, крича: «Держи его, лови! Не пускай!»

Четыре раза, спасаясь от погони, Гимнаст оборачивался, слы-

шал пули, и каждый раз происходило некоторое смертельное замешательство. Наконец, выбежав на площадь, Комон увидел, что к нему мчатся со всех сторон и улизнуть трудно. Тогда, повинувшись инстинкту, матери всех человеческих дел, беглец ринулся в Исторический музей, опрокинув швейцара, взвился по роскошной лестнице на третий этаж и остановился, соображая, что делать; он употребил на это секунду.

НЕПОЧТЕНИЕ К ПРАОТЦАМ

Музей только что открыл свои двери, и публики еще было немного. Комон бросился, не обращая внимания на изумленных посетителей, через множество зал в самую длинную, кривую и сумеречную, напоминающую лес от множества загромождавших ее витрин, подставок, щитов с оружием, целого войска мумий и ширм, похожих на театральные кулисы. Каждая вещь здесь взывала к бою, вооружению, сопротивлению, ударам и натиску.

Первое, что сделал Комон, — это баррикаду у захлопнутой за собой

А. ГРИН

МЕРТВЫЕ
ЗА
ЖИВЫХ

Рассказ

двери. Он навалил на нее трех оглушительно зазвеневших стальных рыцарей времен Меровингов, на рыцарей бросил полдюжины фараонов Верхнего Нила вместе с их раскрашенными ящиками; поверх всего опрокинул, сломав, несколько витрин с монетами, которые раскатились по полу совершенно так, как раскатывались, если их просыпали при Гамилькаре Барке. На это Комон употребил две минуты.

С той же быстротой, с тем же болазней нервности и физической силы, Гимнаст отбросил пустой револьвер, надел тяжелую медную стальную кольчугу, шлем, опустил забрало и немного замешкался при виде исключительного разоблачения оружия: глаза его разбежались. Гимнаст выбрал меч огромный, сверляющий и тяжелый, каким, вероятно, не раз крошила железная саксонская рука звонких латинцев. Меч был внушительный. Гимнаст взмахнул им над головой, затем для пробы обрушил страшный удар на одну из мумий: дико, тряснув, распалась, и запы-

натый фараон кубарем вылетел из него, распространяя запах старомодных духов, которыми был пропитан весьма старательно.

Догадливость не изменила Комону при виде столь древнего явления; проворно затолкав фараона в угол, Гимнаст с мечом в руках втиснулся в египетскую могилу, прикрыв себя другой половиной ящика. Дверь тем временем, поддаваясь усилиям солдат и сторожей, глухо звенела латами валявшихся на полу рыцарей. Комон стоял в душной ароматической тьме ящика и прислушивался. Скоро ворвалась, судя по шуму, целая толпа людей, с криками разбежались они по длинным проходам зала, и Гимнаст слышал их полные бешенства возгласы:

— Все сломано!
— Ай, и деньги тут, на полу! — Кто-то шепнул, задыхаясь: — Я возьму парочку, а?
Другой шепот:
— Тащи, чего зевать! Тсс!..
— Негодяй! Сумасшедший! Стреляй его.

— Где он? Р-р-р-р...
— Лови! Дави! Хватай!
— О-о! Э-э! А-а!

Неосторожное движение Гимнаста выдало его. Он случайно толкнул коленом крышку, она упала, прежде чем он успел придержать ее, и в общем смятении глазам врагов предстал воин средневековья с занесенным мечом...

ВДОХНОВЕНИЕ

...Гимнаст бросился на врагов... Меч с шумом рассекал воздух. И скоро стало пусто вокруг Комона, но сам он, раненный пулей в мякоть ноги, видел, что не продержится перед новым натиском.

— Бежали робкие грузины! — вскричал Гимнаст и бросился к выходу, расчищая себе путь своим дюрандалем. Любопытные, столпившиеся у подъезда, разбежались при виде страшного, со слепым и искаженным лицом человека так быстро, что потом сами удивлялись своей поспешности.

Комон схватил первого попавшегося извозчика, бледного от ужаса, толкнул его, шаркнул мечом по голове толстому лавочнику и так крича на лошадей, что она поехала, как беговая. И Комон благополучно удрал. Это был последний вдохновение, часто выручает медовена лучше всяких расчетов.

1914 г.

Публикация в Российской Российской Федерации с сохранением...

Фазу АЛИЕВА

Я нахожусь в стране любви,
В стране невиданного чуда,
Меня отсюда не зови,
Я не хочу уйти отсюда!
Не знаешь ты, с каким трудом
Трану я эту обретала!
Ленившись лаской и добром,
Лицом раскрытым сердце стало.
Как прояснились небеса!
Туман рассеялся повсюду!
Иду,
Слегка прикрыв глаза,
Иду,
Сама подобна чуду.
Растения на всем пути
Полны высокого призванья...
О мой любимый, погоди,
Не прерывай очарованья!

Перевела с аварского
И. Лиснянская.

Виктор ЖИГУНОВ

СМЕНА

У обочины осинки озабочены.
На подолах грязь из-под машин.
Тянутся ветвями за рабочими:
«Дайте руку! С вами побежим».
К ним ладошь дотронется
несмело,
широка, надежна и тепла.
На завод ушла вторая смена.
Первая навстречу потекла.
Я бессменно на рабочем месте.
Сам изобретал судьбу свою,
знаю: не до смены, а до смерти,
может быть, полвека простою.
Никого не оглушая басом,
но умея пламенно любить,
я и гражданином быть обязан
и поэтом не могу не быть.
Трудно ли писать, не подал
виду:

мол, не знал мучительной
строки,
если трудно, то стихи не выйдут,
а легко, так выйдут не стихи.
Но живу то яростно, то грустно
и за кем-то вслед могу сказать,
что писать стихи безмерно

трудно,
но еще труднее не писать.
Сердце — вот и все мое богатство,
книжных правил даром не возьму.
Вечер.
Деревца машин боятся
и отходят медленно во тьму.
Шелест разговоров, искры смеха.
Обсуждая лунные дела,
пошла к заводу третья смена,
из ворот вторая потекла.

Натан ЗЛОТНИКОВ

Выйдет дочь за лейтенанта,
Мальчика еще и франта,
И оставит нас с тобой.
Письма? Что возьмешь с бумажек?
Ступим мы на Сивцев-Вражек
Под звездой голубой.
В предвечернем освещенье
Лучше видится общенье
Между небом и землей.
И порхающая птица,
Голубь поздний, примостится
Средь ветвей над головой.
Скрипнет вяз над старой крышей
И калитка — мы ж услышим
Командирские ремни.
Встрепенутся наши души.
Кто-то свет в окне потушит
Где-то, может быть, в Перми...
Там, где наша жизнь продлится.
И над нею заструится
Свет звезды, как будто вздох.
Там, за Камой, за заставой,
Город сгрудился усталый,
Сном застигнутый врасплох.
Мы живем единым зреньем
Там и здесь. И нетерпеньем
Приближаем то число.
Мы живем единым слухом
В миг, когда звучит над ухом
Голубиное крыло.

Арамаис СААКЯН

Мое сердце открыто
Для вашего горя и счастья!
Вас прошу, дорогие,
Меня посещайте почаще.
Память детства с собой принесите,
В дом войдите, меня разбудите,
Настроенье мое измените —
Посетите меня, посетите!
Вы очистили ль мутную воду?
Обогрели ль кого в непогоду?
Ради ближнего горе ль терпели?..
Посетите меня, в самом деле!
Для людей мое сердце открыто,
Для боли и счастья...
Вас прошу, дорогие,
Меня посещайте почаще.

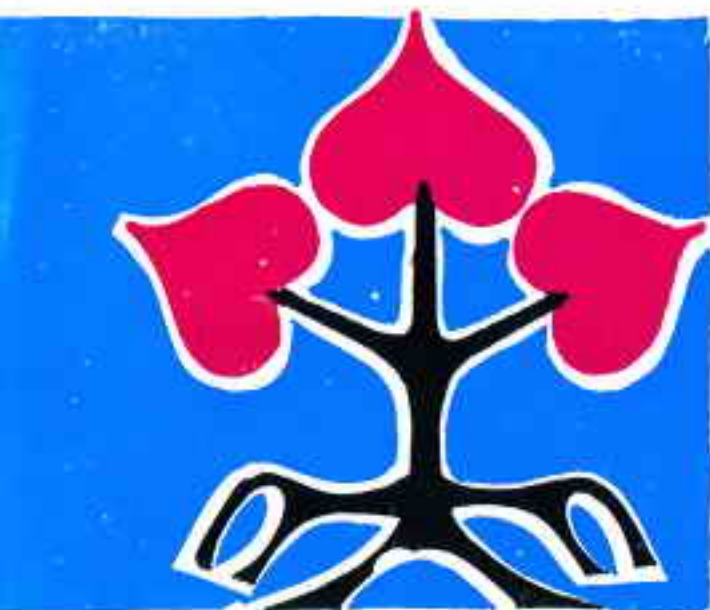
В простор небесный к высям гор
Стремился человек упорно.
И вот — достиг вершины горной,
Не покоренной до сих пор.
Но вверх взглянул он — и затих,
Мечтою новою встревожен.
И вот — становится подножием
Та высота, что он достиг.

Перевела с армянского
Е. Николаевская

Лариса ТАРАКАНОВА

Вечер свидания
Необъясним,
Перемещается.
Что это с ним?
И перед оннами,
Передо мной
Крутится-вертится,
Как заводной.
Вот не успела я:
Все кувирком,
Платьице белое
Под утюгом,
Белое-белое,
Словно зима...
Легкое-легкое,
Как я сама.

ВЕТВИ И КОРНИ

10

Свадебный наряд лужичанки.
Столица Лужицкой Сербии.
«Замама» (посаженная мать) в национальном костюме.
Расписная стенка ларя.
Говорит товарищ Курт Кренц.

Штурмовик со звездочкой в левой петлице — группенунтерфюрер, или попросту груф, с высоты своего величия наставительно разъяснил Курту Кренцу, что у него три тяжелых провинности перед новой Германией: во-первых, он «Sorbenhund» — сербская собака, которая спит и видит, как бы укусить стопроцентного немца; во-вторых, он коммунист, а значит, «Schweinehund» — собака, ведущая себя по-свински: набив брюхо немецкой жратвой, нападет на хозяев; в-третьих, наконец, как можно назвать того, кто посмел заявить во всеуслышание, что Нерон поджег Рим и свалил вину на христиан, а Гитлер поджег рейхстаг и сваливает вину на коммунистов? Только у «Hundfott» — у паршивой собаки — мог повернуться язык пролгать подобное.

— Собак надо держать на привязи, а красных сербских собак и подавно. Будешь гнить за колючей проволокой, пока не протянешь задние лапы, — ударом кулака об стол поставил точку всемогущий груф. И товарищ Курт Кренц очутился в концентрационном лагере. За то, что родился сербом. За то, что в 1923 году связал свою судьбу с Коммунистической партией Германии. За то, что принародно раскрыл шельмовские козни нацистов.

Товарищу Курту Кренцу — узнику зловещего Гогенштейна, чуть ли не самого первого фашистского «лагеря политического перевоспитания» — никак не дашь его шестидесяти трех. Он

высок ростом и в плечах не узон. Годы не размягчили его упругих бицепсов каменотеса. И когда он, поднося ко рту чашку кофе, сгибает руку в локте, кажется, что рукав вот-вот расползется по шву.

Он говорит по-сербски. Говорит медленно, будто прислушиваясь к звучанию каждого слова. Сербская, доставшаяся от отца и матери речь. Многострадальная речь дедов и прадедов. Делами завоевал товарищ Кренц право свободно говорить на родном языке.

— Правда ли, нет ли — поди разберись, — рассказывает товарищ Кренц, — но когда в апреле 1945 года советские войска, переправившись через Нейсе (Нысу) и с боями пройдя междуречьем, достигли берегов Шпрее (Спревы), то в окрестностях Бауцена (Будышина) русские нежданно услышали отдаленно родственную речь.

— Что вы за люди? — спросил офицер у старика, в доме которого он расквартировался.

— Мы сербы, — ответил старик.

— Сербь? — удивился русский. — Далеконько же вас загнали фашисты. Ну да не вешай головы, старина!.. Ты еще увидишь горы Югославии. Мы поможем сербам вернуться в родные места.

Старик рассмеялся:

— Спасибо на добром слове, только мы совсем другие сербы. Лужицкие. Здесь, между Нысой и Спревой, наша исконная родина.

Прусские и саксонские германизаторы шли на все, лишь бы онемечить лужицких сербов, вытравить из их самосознания даже саму память о славянском проис-

хождении. Но не смолкала сербская речь, звучали сербские песни, жил сербский народ.

Самая черная полоса в истории лужичан пришлась на времена фашизма. Сербский язык стал подзапретным, была объявлена противозаконной культурно-просветительная организация «Домовина».

В Германской Демократической Республике сербы стали полноправными гражданами ГДР. Лужицкая Сербия получила культурную автономию, гарантированную конституцией. И старинный герб «Домовины» видоизменился. Трилистная липовая ветвь — символ славянства — пустила корни.

Это знак того, что народ, приговоренный к вымиранию, обрел в демократической Германии свободный доступ к животворным сокам родной земли.

— Чтобы выжить, сербы должны были держаться вместе, как пальцы в кулаке, — заканчивает свой рассказ товарищ Курт Кренц, председатель «Домовины», депутат Народной палаты, член Дрезденского окружного комитета партии, лужицкий серб по национальности, коммунист по убеждениям, гражданин Германской Демократической Республики.

Адольф ДИХТЯРЬ

Рисунки
Е. Шабельника

год основания — 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки
блюдо «Хлеб»
В. Шинкаренко,
Конаково,
Калининская обл.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
В. А. Шапов
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 26/VI
Б 04895.

Подп. к печ. 16/VII
1970 г.

Формат бумаги
84 × 108^{1/16}.

Усл. п. л. 1,68,
уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 350 000 экз.
Зак. 1826. Цена 1 руб.

1. Земля — Космос: «Без меня не улетай». Песня-репортаж

2. Дом для бездомных. Монолог отца.

3. Устная повесть о коллективе индивидуумов.

4. «Он жил среди нас, этот сказочник странный...» Репортаж из гриновских мест ведет Ролан Быков.

5. Слушайте — танец. Арам Хачатурян. Музыка из балета «Спартак».

6. Новые песни древнего Нила. С. Дервиш. «Страна моя...», народные песни «О сыне», «Я — араб».

7. Русские гармошки. «Частушечные переборы», «Пыль клубится по дороженьке», «Саратовские переборы», «Польна калужская».

8. С концертной афиши. Поет Аида Ведищева. О. Иванов, А. Прокофьев. «Товарищ»; польская песня «Старый сад» (перевод Л. Дербенева).

9. Музыка в тихий вечер. Камерный оркестр Грузии играет фрагмент концерта А. Вивальди для двух скрипок с оркестром, «Шутку» Н. Мамисашвили, марш из оперы С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам».

10. «На лугу за Спревой». Песни лужичан в исполнении народного хора «Липа».

11. Наши премьеры. Р. Паулс. А. Дмоховский. «Синий лен»; О. Фельцман, Е. Долматовский. «Остальное — острова». Поют Л. Мондрус и Э. Хиль.

12. Эстрада планеты. Джанни Моранди. «Парень с улицы Глук», «Говори мне о любви».

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
фирмой «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания
и звукозаписи.

В том, что наши композиторы начинают постепенно обращаться к сочинениям для небольших коллективов, таится ценная тенденция.

Музыканты такого оркестра, как Грузинский камерный, должны уметь то, что они умеют: почти безупречно исполнять свою партию, подчиняя индивидуальность общим интересам ансамбля. Хорошо, что в оркестре есть мастера музыки — сестры Маринэ и Ирина Яшвили, Игорь Политновский, однако яркой личностью прежде всего является весь оркестр. А его почерк вырабатывается в процессе исполнения не только классических сочинений, но и современной музыки. Активнее других у нас в этом жанре работают Сулхан Цинцадзе, Сулхан Насидзе, Реваз Габичвадзе, Нодар Мамисашвили.

Музыка для квартетов и оркестров малых составов — давняя и частая домашняя гостья в некоторых

странах, например в Германии, Чехословакии. Там развито домашнее музицирование; несколько семей объединяются, чтобы создать камерный оркестр. Такая «семейная практика» придает камерной музыке широкую популярность и требует от слушателя известной квалификации.

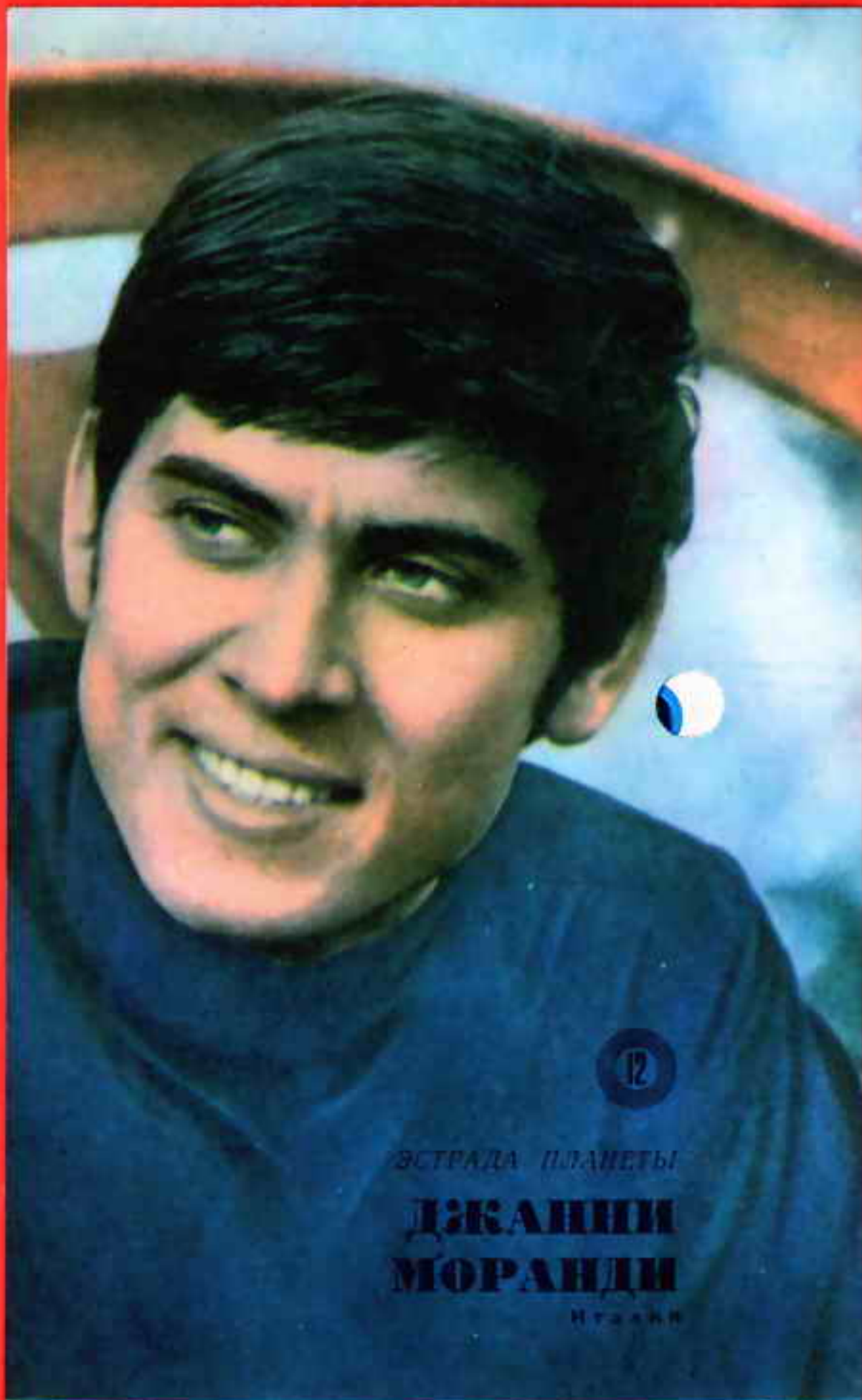
Работа музыкантов Грузинского камерного способствует образованию знающей и подготовленной аудитории. Однако она по-своему и расширяет аудиторию, увеличивает ее состав. В конечном счете подлинное искусство должно иметь не «малую», а большую публику. И именно в этом, как мне кажется, перспективы камерной музыки и ее исполнителей.

Отар ТАКТАКИШВИЛИ

г. Тбилиси

Для 72 струн

ВСТРАДА ПЛАНЕТЫ

**ДЖАННИ
МОРАНДИ**

Италия

Цена 1 руб.

В октябре 1962 года в одном телевизионном шоу со знаменитым Нэйлом Седаном выступил итальянский юноша. У него был облик озорного школьника и не известное никому имя — Джанни Моранди. «Скажи маме, что идешь в магазин...» — напевал Джанни, и молодым телезрителям понравилась незамысловатая песенка. Во всяком случае больше, чем холодноватый профессионализм заокеанского гостя.

В первом же выступлении Моранди нашел тропинку, которая привела его к успеху. Он покориł слушателей не столько голосом, сколько тем, что было названо потом выражением настроений подростков. «Зачем мне нужна латынь, если в жизни она не пригодится; зачем торчать в городе воскресный летний день, если я смогу покатать тебя на малолитражке; спроси только папу...» Такого рода незатейливые проблемы, разумеется, находили отклик у старшеклассников, которые не замедлили окрестить Моранди «выразителем проблем шишлы»...

Но рано или поздно подросток становится взрослым, и уже другие проблемы начинают волновать его. В 1966 году на фестивале Роз Д. Моранди предстояло исполнить песню «Жил-был парень», в которой речь шла о молодом американце, проводившем отпуск в Италии. «Его отзывают из Италии и посылают во Вьетнам. Парень, который пел разные песни, теперь поет только одну...» Итальянская цензура вычеркнула из песни наиболее острые строки. Джанни и автор текста Мильяччи, чтобы не сорвать выступления, не вписали в песню ни одного нового слова: вместо недостающих строк ударник имитировал неистовую автоматную очередь, и за этим следовали слова: «Нет больше сердца в груди, вместо сердца — медаль...».

Повзрослевший певец был признан лучшим сначала на фестивале «Кантаджиро-1964», в последующие два года — лучшим певцом Италии. Затем победы в «Канцониссима» (телевизионном соревновании, где судьи — зрители), победы на фестивале современной итальянской песни в Сан-Ремо.

Но, как и прежде, на сцену выходит улыбающийся, жизнерадостный парень, и, слушая, как он поет, невольно думаешь, что ты с ним в детстве гонял мяч, сидел за одной партой, радовался, огорчался, мужал.

Валерий СИРОВСКИЙ